

ВИКИ ДРЕЙЛИНГ

Трихоти
повесть

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д73

Серия «Шарм» основана в 1996 году

Vicky Dreiling

WHAT A RECKLESS ROGUE NEEDS

Перевод с английского *И. П. Родина*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства
Grand Central Publishing, New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Дрейлинг, Вики.

Д73 Прихоти повесы : роман / Вики Дрейлинг ; [пер. с
англ. И. П. Родина]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. —
(Шарм).

ISBN 978-5-17-084572-9

Несколько лет назад неисправимый кутила и ловелас Колин Брокхерст, граф Рейвншир, разбил сердце юной Анджелины Бранем, насмеявшись над ее первой любовью. Однако теперь, когда обстоятельства принуждают к немедленной женитьбе, граф внезапно осознает, что та, чье трепетное чувство он отверг когда-то, — единственная, с кем он готов связать свою судьбу.

Однако Анджелина теперь — далеко не наивная девочка. Однажды Колин уже нанес ей болезненный удар — значит, больше доверия не достоин. Обаятельному повесе потребуется немало усилий, чтобы вновь пробудить в душе девушки пламя любви, которую она сознательно убивала в себе день за днем...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-084572-9

© Vicky Dreiling, 2014
© Перевод. И. П. Родин, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

Пролог

Итон, декабрь 1798 года

Колину Броккерсту, графу Рейвенширу было всего восемь лет от роду, но он отчетливо понимал, что самое худшее может произойти в любую минуту.

Вместе с другими мальчиками Колин сидел на жесткой скамье в ожидании, когда его заберут домой. Обычно дети шумели и отчаянно ругались между собой, но сейчас, под строгим взглядом директора, хранили молчание, нарушаемое иногда кашлем или чиханием. Большинство уже разъехалось встречать Рождество, включая его друга Гарри. Каждый раз, когда дверь распахивалась, внутрь врывались порывы ледяного ветра, против которого были бессильны теплое пальто и мягкие кожаные перчатки.

Вновь снаружи прелюдией к открыванию двери донесся звук шагов, но это оказался чей-то другой родитель. Куда запропастился папочка? В груди возникло ощущение пустоты, но он не мог позволить себе показать, как ему страшно, потому что старшие мальчишки начнут издеваться над ним.

Дверь открылась, впустив очередную волну холода. Еще один мальчик, резво вскочив с места, покинул школу в сопровождении слуги. Внутри у Колина все сжалось. Он-то надеялся, что это будет отец, а не чей-то лакей. От ощущения пустоты в груди мальчик почувствовал себя одиноким и испытал ужас, но, сжав руки в кулаки, затолкал свои переживания глубоко внутрь, чтобы никто о них не догадался. Это было необходимо для того, чтобы старшие ребята

ничего не пронюхали и после праздника, в следующем семестре, не превратили его жизнь в ад. Колин уже наподдал кое-кому из старших и более сильных и теперь знал, как отстоять себя кулаками.

Иногда он с восторгом принимал участие в драках. Это помогало избавиться от злости и переживаний, копившихся внутри. Два года назад отец сказал ему, что ангелы забрали мамочку к себе на небеса. Он уже был достаточно взрослым, чтобы понять, что мать умерла и не вернется, сколько бы он ни молил о чуде.

Тем временем начало темнеть, и теперь на скамье осталось только трое мальчиков, включая его. Что он будет делать, если вдруг окажется, что папочка умер и за ним некому прийти? Ему придется остаться в школе, предоставленному самому себе? Отец говорил, что в этом нет ничего страшного, но Колин еще сильнее стиснул кулаки.

Он должен быть храбрым. Именно это сказал отец во время первого посещения Итона. Колин должен подавить в себе все страхи, пусть даже сердце ноет от боли.

Дверь снова открылась. Мальчик затаил дыхание, а потом с облегчением выдохнул, когда увидел отца, и, подхватив ранец, вскочил.

— Ну что, домой? — улыбнулся отец.

Колин кивнул. Рука, опустившаяся на плечо, давала ощущение защищенности, которого он уже давно не испытывал. Они вышли на улицу. В воздухе кружились снежинки, и пока добирались до поджидавшей их кареты, Колин попытался поймать языком хотя бы одну. Внутри отец укутал его шерстяным пледом, чтобы не замерз, и карета тронулась. От легкого покачивания и монотонного цоканья копыт его вскоре потянуло в сон. Отец обнял его за плечи, и Колин, прижавшись к нему, заснул.

Было уже совсем темно, когда отец разбудил его и, взяв на руки, внес в гостиницу на постоялом дворе. Колин настолько вымотался, что не помнил ничего до того момента, когда его разбудили на следующее утро. Умывшись и сменив платье, он пошел с отцом вниз, в общий зал завтракать. В животе так урчало, будто там поселилась собака, и

он буквально проглотил яйца и тосты. Отец рассмеялся и взъерошил ему волосы.

После завтрака носильщик отнес их багаж в карету, и, забравшись внутрь, мальчик глубоко вздохнул, когда отец уселся рядом.

— Я должен тебе кое-что сказать.

Колин застыл. Когда взрослые говорят такие слова, ничего хорошего ждать не приходится.

— Не пугайся, но теперь у тебя новая мать, — сказал отец.

Сбитый с толку Колин перевел дух.

— Откуда она взялась?

— Мы познакомилась с ней, когда ты уехал в колледж, потом поженились. Так что она моя жена и твоя мачеха.

Зачем ему мачеха? Колину хотелось, чтобы вернулась мамочка.

— Все будет хорошо, сын, — попытался успокоить его отец.

Он в это не верил. Ничего хорошего больше не будет. Мамочка умерла, бросила его.

— Она живет в нашем доме, и сегодня я вас познакомлю, — поставил точку в разговоре отец.

Колину показалось, что пол кареты разверзся и ноги его повисли над пропастью.

Глава 1

Лондон, Олбани

1821 год

Колин проснулся с головной болью. Во рту было сухо, как в Аравийской пустыне. Прощлой ночью он, должно быть, вылакал кларета никак не меньше, чем воды в проклятой Темзе.

С трудом приняв вертикальное положение, он ощутил некий дискомфорт и в ногах, пока не осознал, что спал в сапогах. Столб солнечного света пробился через занавеси и буквально ослепил. Прикрыв глаза ладонью, он отвернулся от окна, и тут же в поле зрения попали свидетельства ночного разгула: два бокала и три бутылки.

На какой-то миг его разум словно отключился. Он провел ладонью по заросшему лицу. Два бокала? В спальне? Здесь был кто-то еще?

Когда дверь открылась, он заставил себя не отворачиваться. Вошла рыжеволосая девица в измятом зеленом платье. Колин с трудом вспомнил, что познакомился с ней минувшей ночью в гримерной за кулисами театра.

— Что тут было? — Голос у него треснул.

Она обиделась.

— Мне кажется, что все и без слов понятно.

О господи!

— Мы с тобой...

— Совсем свихнулся? Ты так нализался, что я не могла тебя разбудить, чтобы хоть корсет помог расшнуровать! Так и пришлось спать в платье.

У него отлегло от сердца. Учитывая, в каком состоянии он был минувшей ночью, Колин сомневался, что сумел бы воспользоваться кондомом.

— Извини, Лила.

Девушка рассвирепела:

— Меня зовут Лотти!

— Ну разумеется. Как я мог забыть!

— Ты напился как матрос. Удивительно, что вообще хоть что-то помнишь.

Он чувствовал себя так, словно его переехала карета.

— Прошу меня извинить, но хозяин запрещает водить сюда женщин.

— Ночью тебя это не волновало, — фыркнула девушка.

Неожиданно раздался стук в дверь, и Колин, вздрогнув, шепотом приказал:

— Уйди с глаз, ни слова.

Та насупилась.

— То есть мне нужно спрятаться?

— Именно. И тихо, пожалуйста: хозяин меня оштрафует, если обнаружит тебя.

Снова раздался стук, на этот раз более настойчивый, так что в висках заломило, когда Колин двинулся к двери, на ходу пробормотав:

— Ну иду!

Лотти захихикала, и он, резко остановившись, повернулся к ней:

— Марш в спальню! И не мозоль глаза.

Девушка прислонилась к двери и усмехнулась:

— Скажи хозяину, что я твоя сестра.

Колин вздохнул:

— Он слышал это уже не раз.

Ее жестяной смех действовал ему на нервы. В самом отвратительном состоянии духа Колин пересек небольшую гостиную и пинком отворил дверь.

За порогом стоял Гарри — его самый близкий друг.

— Извини, что разбудил, старина, но уж полдень на дворе.

— Ну слава богу! — Колин пропустил друга внутрь. — Я-то думал — хозяин.

Уставившись на его гостью, Гарри захлопал глазами:

— Прости, что не вовремя.

— Не переживай, — успокоил его Колин. — Лила уже уходит.

— Лотти! — возмутилась девица, но тут же переключилась на Гарри. — А ты красавчик!

Гарри поднес ее руку к губам, словно перед ним стояла гранд-дама из высшего общества, и воскликнул:

— Вы очаровательны! Я восхищен!

Пошарив в кошельке, Колин протянул ей шиллинг.

— Найми себе экипаж.

Она нахмурилась:

— Вы хотите избавиться от меня?

— Ни в коем случае, мадам. — Гарри пожирал глазами ее декольте.

Тяжело вздохнув, Колин достал еще одну монету.

Лотти вскинула брови:

— И это за целую ночь, что я провела здесь?

— Ну, по крайней мере ты спала на мягкой постели, — пробормотал Колин.

Она подбоченилась:

— Ага, и в платье!

Гарри оглядел ее пышные формы.

— А может, так и было задумано.

— Да? Он даже сапоги не снял, — фыркнула Лотти, на что друг Колина укоризненно покачал головой:

— Это моветон, старина.

— Ты пришел-то зачем? — хмуро пробормотал тот.

Гарри вытащил из кармана письмо.

— Сегодня утром это по ошибке занесли ко мне.

Прежде чем сломать печать, Колин бросил взгляд на Лотти:

— Не смею задерживать и желаю бешеных оваций от благодарных зрителей.

— Прошлой ночью я не заработала даже хлопка! — Девица завернулась в накидку и резво выскочила за дверь.

Расхохотавшись, Гарри рухнул на софу.

— Уймись. — Колин раздраженно подошел к столу. — Сколько я тебе должен за доставку?

— Нисколько. Прошлый раз ты заплатил за мое письмо, помнишь? От кого послание?

— Понятия не имею.

— У тебя сегодня что, котелок не варит?

— Перебрал вчера — голова буквально раскалывается. — Он отложил письмо и потер виски. В последнее время с ним такое случалось не раз.

— Где твой лакей? Хоть отвар бы тебе приготовил.

— Сегодня слуга занят лишь полдня. — Колин растопил камин, принес из кухни чайник с водой и, подвесив его над огнем, в ожидании, пока вода закипит, развернул письмо. Пробежав глазами несколько строк, он нахмурился, а Гарри поинтересовался:

— Что, неприятности?

— Отец настаивает на моем приезде в Дирфилд-Парк. — Колин вскочил, припечатал письмо ладонью на столе и заходил по комнате, раздувая ноздри. — К черту его!

Гарри приподнял брови.

— Что-нибудь не так?

— Все не так, дьявол побери! Отец надумал продать Сомеролл. — Колин стиснул зубы при мысли, что кто-то чужой станет там хозяином.

— А как же порядок наследования?

— Сомеролл специально выкинули из завещания. Дед намеревался передать его младшему сыну, но мой отец оказался единственным мужским отпрыском.

Родители Колина жили там вплоть до смерти матери, а потом отец переехал в расположенное по соседству дедово поместье Дирфилд.

Колин подошел к окну и распахнул шторы. Сомеролл был для него родным домом до шести лет. С той поры там никто не жил, но он всегда надеялся, что когда-нибудь станет его владельцем.

— Когда уезжаешь? — осведомился Гарри.

Колин покосился на друга.

— Как только смогу.

— Жаль расставаться с имуществом. Может, все-таки уговоришь маркиза не продавать его?

— Попытаюсь. — В едином слове было столько сарказма!

— Надолго едешь?

Колин пожал плечами:

— Ровно настолько, чтобы попытаться убедить отца изменить решение

Он снял чайник с огня и налил кипятку в заварочный чайник.

— Может, герцог Уайкоф с семьей приедет погостить, как обычно? — не унимался Гарри.

— Сомневаюсь. Насколько мне известно, герцогиня со старшей дочерью все еще в Париже.

— Они вернулись полгода назад.

Через ситечко он наполнил чаем чашки и протянул одну Гарри.

— Откуда тебе это известно? Ах, ну конечно: от своей матушки или кузин.

Гарри глотнул чаю.

— Ты же знаешь, что гостиная моей матери тем и знаменита, что там стряпаются все скандалы. А кузинам известно все обо всех. Ты в курсе, что леди Анджелина бросила Брентмура еще год назад?

— В курсе. — Ничего, кроме этого, он о ней больше не слышал, хотя не мог представить, как она могла связаться с таким подонком, да и не хотел представлять. Их семьи дружили, однако молодые люди рассорились несколько лет назад. Отец обвинял его в том, что он разбил ей сердце на первом балу, но все получилось как раз наоборот. Когда Колин пригласил ее на танец, она отвергла его, но приглашение другого джентльмена приняла. Если уж быть до конца откровенным, то он с трудом оторвался от выпивки с друзьями, а ей это не понравилось. С того момента они стали как масло и вода — абсолютно несовместимыми.

Гарри отставил чашку.

— Вероятно, умчалась в Париж из-за разорванной помолвки.

Ничего удивительного. Отказ от помолвки — дело серьезное. Бульварные листки были тогда полны пересудов,

хотя конкретных имен не упоминалось. Он никак не мог понять, почему ее отец согласился на этот брак: ведь о дурной репутации Брентмура всем было прекрасно известно.

Гарри нахмурился.

— Зачем маркизу понадобилось продавать Сомеролл?

— Вопрос на тысячу фунтов. — Колин стиснул зубы. Его обидело решение отца, но он не сказал ни слова.

— Маркиз, возможно, передумает, — предположил Гарри.

— Это не просто какой-то выверт.

— А он не блефует?

— Нет, он абсолютно серьезен, и я — тоже.

— Что ты собираешься предпринять?

Колин вздернул подбородок.

— Сделаю ему предложение, от которого он не сможет отказаться.

Суффолк, Сомеролл-Хаус

Два дня спустя

Карета медленно преодолела шесть миль, отделявших Сомеролл от поместья Дирфилд, и въехала на подъездную дорогу. Хорошо хоть погода удалась. Когда экипаж остановился, Колин взял шляпу и спустился на землю. Осенний ветерок прохладой коснулся его лица, и он глубоко вдохнул бодрящий чистый воздух. Контраст с грязной, болезненной атмосферой Лондона был разительным.

Колин приказал кучеру ждать, а сам направился к дому. Под ногами хрустел гравий, пока он шел к зданию, сложенному из песчаника еще в начале восемнадцатого века. Темно-синие полосы на небе предвещали приближение сумерек. Он порадовался, что успел добраться до темноты: удастся посмотреть, в каком состоянии пребывает поместье. Колин собирался начать разговор с отцом о необходимости ремонтных работ, дабы продемонстрировать, что в доме уже побывал и предварительный осмотр провел.

Колин пошарил на притолоке, но ключ отсутствовал. Тогда, нахмурившись, попытался пинком открыть дверь,

но та устояла, что было еще более удивительно. Надо будет выяснить у отца, куда делся ключ.

Обогнув лужайку, он зашел к дому с тыла. Сквозь низко расположенные окна можно было заглянуть внутрь, но даже с такой удобной позиции ему ничего не удалось там рассмотреть. Колин стиснул зубы от разочарования, но этим делу все равно не поможешь.

К востоку от имения вела дорожка, когда-то, вероятно, хорошо утоптанная. Впрочем, он не был в этом уверен. Дом его отца располагался меньше чем в шести милях отсюда, между имениями пролегла отличная дорога, но у Колина имелась масса причин редко посещать Дирфилд.

С высокого дуба, стоявшего в отдалении, свисали качели. Может, покойная мать или отец катали его на них. Этого он тоже не помнил. Он вообще мало что помнил из своего детства.

Сухие опавшие листья шуршали под сапогами, от голых берез тянулись длинные тени. Размерами поместье значительно уступало Дирфилд-Парку, но это был великолепный кусок земли. Ему представилось, как арендаторы трудятся на запущенных сейчас полях. Хотя с этим можно не торопиться: ему всего тридцать лет, и он пока не готов остепениться.

Порывистый ветер трепал пелерину плаща, но Колин не останавливался. Наконец впереди показалось сооружение из мрамора, с куполом и четырьмя ионическими колоннами. Добравшись до склепа, он оперся на перила балюстрады и оглядел ступени, ведущие к нему. Двадцать четыре года пролетело. Все, что ему осталось от матери, — вот эта могила и неясные обрывки воспоминаний из детства.

В груди защемило от стыда: Колин не смог припомнить, когда в последний раз был на могиле матери, молился за нее. У него не осталось никаких вещиц на память о ней — только пустота внутри, которую ничто не могло заполнить.

— Ты не останешься в забвении, — хрипло произнес он и, развернувшись, быстро зашагал прочь.

Будь он проклят, если позволит отцу продать место упокоения матери.

К тому времени, когда он въехал в Дирфилд-Парк, солнце село, и особняк, выстроенный в тюдоровском стиле и принадлежавший его семье с шестнадцатого века, стоял погруженным во тьму. В окнах светились только отдельные огоньки ламп, которые слуги разносили по дому. Когда он вылез из кареты, ему в лицо ударил ледяной порыв ветра, хлестнув полами плаща. Один лакей с фонарем в руках пошел показывать дорогу на конюшню, другие занялись его багажом.

Войдя в дом, он передал шляпу, плащ и перчатки Эймзу — дворецкому, который служил его семье все время, сколько Колин себя помнил.

— Милорд, могу ли я позволить себе выразить радость в связи с вашим приездом домой? — обратился к нему старый слуга.

— Конечно, можешь, Эймз, — улыбнулся Колин и, порывшись во внутреннем кармане, вынул маленькую табакерку для нюхательного табака.

— Это мне, милорд? — просиял дворецкий.

— Случайно увидел ее и вспомнил, что ты их коллекционируешь. Эту сделали в Индии.

— Не могу принять ее, милорд: вещица наверняка очень дорогая.

— Сможешь, Эймз. Если откажешься, я буду очень недоволен.

— Тогда ладно, — согласился слуга. — Благодарю вас за подарок, милорд. Поставлю ее на самое видное место, чтобы всегда напоминала о вашей светлости. Итак, ваша комната готова, вещи распакует камердинер. Маркиз с супругой и гостями сейчас в голубой гостиной.

Колин остановился при упоминании о гостях, но, конечно, дворецкого спрашивать ни о чем не стал.

— Спасибо, Эймз.

Он рассчитывал сразу же поговорить с отцом один на один, но теперь, судя по всему, разговор придется отложить до завтра. Звонко печатая шаг на мраморном полу, он двинулся через главный зал.

Девичьи голоса заставили его вздрогнуть.

— Колин!

Вниз по лестнице мчались Бьянка и Бернадетт — его сводные сестры-двойняшки. Когда они накинулись с объятиями, он притворился рассерженным и воскликнул:

— Подождите, вы кто? Куда вы дели моих маленьких сестричек?

Бернадетт закатила глаза.

— Какой ты глупый, Колин!

— Мне страшно моргнуть: вы растете прямо на глазах! — И, рассмеявшись, Колин закружил проказниц.

До этого момента он даже не представлял, насколько соскучился по ним. Они были как зеркальное отражение друг друга, что производило на окружающих ошеломляющее впечатление. Он уже давно научился различать их по маленьким очаровательным родинкам: у Бернадетт она была на левой щечке, у Бьянки — на правой.

Бьянка подняла на него глаза.

— Надолго приехал?

— На следующую тысячу лет.

Сестры засмеялись.

— А у нас теперь есть собака, — сообщила Бьянка. — Нам велели держать Геркулеса на кухне со слугами.

— Геркулес? Должно быть, это здоровенный кобель?

— Нет, не такой уж он и большой, — сказала Бернадетт.

Бьянка хихикнула:

— Папа говорит, что он безобразный.

Колин улыбнулся:

— А вы до сих пор болтаете на своей только вам понятной тарабарщине?

— Уже сто лет как перестали, — надулась Бернадетт. — Следующей весной нам будет по шестнадцать, и мы уже станем готовиться к первому балу.

Колин опять испытал чувство вины: он знал бы об их предстоящем выходе в свет, если бы постарался видаться с ними чаще. Одному богу известно, что еще он пропустил в их жизни. Вне зависимости от трудностей в его отношениях с отцом он не должен забывать, что у него есть сестры.

— Мы еще, конечно, не такие высокие, как Пенни, — заметила Бьянка. — А вон и она.

Оказывается, и Пенелопа здесь? Он поднял голову и увидел на лестничной площадке стройную, высокую девушку со слегка рыжеватыми волосами. Заметив его взгляд, она опустила глаза и быстро скрылась в глубине коридора.

— Пойдем с нами, — потянула его за руку Бьянка.

Когда они поднялись на лестничную площадку, он обратил внимание на брюнетку в блестящем зеленом платье, стоявшую к нему спиной. Его взгляд ценителя женской красоты опустился к округлым ягодицам и, будто почувствовав это, брюнетка обернулась. Что-то знакомое почудилось ему в ее чертах — в коридоре было сумеречно.

Когда он подошел ближе, на него словно снизошло озарение. Колин понял, кто это. Свет искрами вспыхнул на ее черных волосах и пролился на мягкие черты овального, потрясающе красивого лица. Ему показалось, что он пропустил удар под дых. Черт! Именно так было несколько лет назад, когда он попытался поцеловать ее под рождественской омельой. Кроме того, поскольку девица остра на язык, на всякий случай следует всегда оставаться настороже.

Анджелина присела в реверансе с короткой улыбкой.

— *Bonsoir, mon ami**.

Отчуждение делало их скорее противниками, чем друзьями, но они так давно не виделись! Несомненно, она стала еще красивее за это время.

Анджелина протянула ему руку в перчатке, и он склонился над ней, быстрым взглядом оценив ее высокую грудь в низком вырезе платья, но тут же мысленно приказав себе не пялиться туда.

— Полагаю, в Париже у тебя была целая армия поклонников.

Дернув плечиком — типично галльский жест, — она проговорила с лукавым огоньком в глазах:

— У французов есть поговорка: из красивого винограда часто получается плохое вино. Поэтому я не ем виноград, а сразу перехожу к вину.

— Умно! — оценил он.

Анджелина дважды хлопнула в ладоши.

* Добрый вечер, друг мой (фр.). — Здесь и далее примеч. пер.